

КОЧЕВНИЧЕСТВО. МИРОВОСПРИЯТИЕ 21 ВЕКА

Все мы странники в этом мире.
Все мы находимся в пути.
Все мы знаем, что мы лишь временно здесь.
Все мы находимся в этом отношении в равном положении. Ни для кого и никогда не будет исключений.
Нас много, но мы не одиноки.
Гость не может быть неожиданным и нежеланным.
Все мы гости в этом мире.
Все, что нам нужно для счастливой жизни, может и должно уместиться во вьюке.
Только живая природа может обеспечить нам нормальное существование.
Выше жизни нет ничего на свете. Жизнь, любовь и свобода – неразрывны.
Границы между людьми и народами возведены силами власти. Они не обеспечивают счастья.
Материальные блага, как бы их ни было много, ограничены. Безграничны лишь духовное богатство и небо над нами.
Делать доброе дело столь же естественно, как дышать.
Память предков – то, что не дает нам быть безродными в этом мире.
Те, кто дал нам жизнь, дал нам и разум для жизни в этом мире.
Все пройдет. И те, кто мешают нашему благополучию, тоже канут в небытие.

Джайлоо. Дикая красота благодатной природы и вольная кочевая жизнь – вот желанное вознаграждение после тяжелых испытаний долгих зимних дней и суровой бескормицы ранней весны. Мягкое лето на высокогорных пастбищах делает нелегкий труд кочевника праздничным. Недаром столько вдохновенных слов и мелодий рождается в их честь.

Острое географическое чувство родины связано с кочевым образом жизни и разительно отличается от европейского восприятия. Любование пейзажем стало достоянием европейцев лишь со времен Петрарки, который в 14 веке первый стал совершать путешествия ради наслаждения видами диких ландшафтов. Его можно назвать первым туристом Европы.

Но настоящими первыми туристами мира были кочевые народы. И не просто потому, что они много и постоянно путешествовали, но потому, что они видели и умели наслаждаться красотами природы. Они прекрасно разбирались в видовом разнообразии. В устной традиции из поколения в поколение передавались сотни названий птиц, зверей растений. Перечисления гор, долин, рек, озер с краткими эмоционально-красочными и одновременно точными характеристиками – неотъемлемая часть эпического наследия народа.

Все это за многие сотни лет до Петрарки накапливалось в энциклопедии кыргызов – эпосе «Манас», тысячелетие которого недавно было отмечено мировой общественностью, в других эпических творениях, народном фольклоре. Все это эпическое богатство можно считать первым поэтическим путеводителем по центральной части Великого Шелкового Пути.

Невозможно представить себе кочевника без постоянной и живой связи с природным окружением. Веками отработывалось бережное к нему отношение. Неукоснительно соблюдались правила кочевий, смены пастбищ, когда нельзя было губить их слишком ранним и слишком интенсивным выпасом. Народные мудрецы умели предсказывать

явления природы по различного рода приметам, по поведению животных и состоянию растений.

Предвидение - необходимая часть гармоничного взаимодействия с природой. Совершенно беспрецедентна в мировой истории сила прозрения, воплощенная в эпосе «Кожожаш». Умелый охотник, упоенный своей мощью, несмотря на мольбы Матери-козы, губит последнего производителя и гибнет сам. Эпос настолько современен, что его и сейчас можно взять на вооружение движения зеленых. Недаром он был положен в основу с успехом поставленной в наши дни на сцене пьесы кыргызского драматурга Мара Байджиева.

Обаяние и сила воздействия произведений Чингиза Айтматова во многом основываются на народной мудрости, представлениях древних кочевников, не отделяющих себя от живой природы.

Современный человек, упоенный своей мощью, не оглядывается на погубленную им природу. Но повсюду неотвратимо. Опыт кочевников подсказывал им это наглядно. Опыт оседлых земледельцев, на котором основывается западная цивилизация, ныне господствующая в мире, глух к сигналам, исходящим от гибнущей природы. Если кочевника называют врагом леса, то оседлый земледелец на деле враг всей дикой природы. Между тем она и только одна она – единственный надежный гарант нашего выживания в этом мире.

В сказанном нет огульного, тотального осуждения западной цивилизации, оседлой культуры. Ее достижения общеизвестны и общепризнанны. Здесь есть только предостережение от самонадеянности универсализма, сомнение в абсолютном превосходстве распространенного мировосприятия, которое вполне успешно руководит действиями лишь в узкой сфере рыночных отношений, и то в их извращенной современной форме, и абсолютно глухо к подлинным ценностям мира. Ценностям, способным вывести нас из трясины духовного и экологического кризиса, затягивающей нас все глубже и глубже.

Мир вовсе не одномерен. Хотим мы этого или не хотим, в нем существует множество измерений и явлений. Мы можем не обращать на них внимание лишь до поры до времени. Они не исчезают. И их игнорирование лишь ведет к нарастанию несоответствия наших действий реальности. В конечном счете могут произойти (и уже происходят) различные кризисы, вплоть до катастроф.

Нас много в этом мире. Но мы не одиноки. Многообразие мира мы ставим в соответствие многообразию мировосприятий – богатство опыта различных культур, которые как будто противоречат друг другу, но вместе дают исчерпывающую основу для правильного выбора пути.

Кроме соображений целесообразности, рациональной рассудочности есть эстетический и этический императив – подлинно человеческий инстинкт, инстинкт подлинно культурного человека. Он не совершает непотребных поступков не потому, что опасается личного возмездия, а только потому, что не может их совершить, не изменяя себе, не уничтожая свою личность, всю систему своего миропонимания. И такое руководство к выбору пути более надежно, нежели зыбкие рамки рациональности.

Природа, дикая природа, естественные сообщества – это тот язык, на котором Бог говорит с человечеством. Кочевник умел, вынужден был уметь прислушиваться к этому языку. Пусть понимание его было несовершенно, но само повседневное общение с дикой природой позволяло постигать действие ее законов, над которыми не властны законы людей.

Каждое живое существо имеет свое предназначение в непрекращающейся ни на мгновение безудержной деятельности природы по постоянному возобновлению Жизни – высшего божественного дара. Каждый организм, каждый вид связан с другими словно слова в тексте. Уничтожьте многие из них, перемешайте – и выйдет бессмыслица!

С этой точки зрения так называемые «культурные земли» представляют собой несвязные, не обусловленные смыслом Жизни наборы слов-организмов и видов. Современной экологической наукой доказано, что «культурные земли», даже самые ухоженные, не в состоянии поддерживать природное равновесие, они становятся очагами экологической нестабильности на нашей планете. Они существуют лишь за счет дикой природы, которой, увы, становится все меньше и меньше.

Приглядитесь, человек собирает вокруг себя лишь избранные виды со всей планеты. Отдельные понравившиеся ему слова. Одновременно в Великой Книге Природы вырываются, стираются целые страницы. На их месте появляются бессвязные слова-виды, из которых не может получиться осмысленный текст. Из случайного набора видов не может сложиться жизнеспособное сообщество, которое могло бы существовать без поддержки человека..

Люди теряют возможность услышать Бога. Жизнь теряет способность нормально воспроизводиться. Вот вам новое прочтение библейской притчи о вавилонском столпотворении. Смещение, уничтожение видов и естественных сообществ столь же, если не более катастрофично, как и смещение человеческих языков!

Вот чем кончается кощунственная затея покорения, переделки природы – затея, несовместимая с кочевым сознанием, с кочевой традицией взаимодействия с природой.

Джайлоо. Многозначный символ кочевой жизни. Символ терпения и неустанного труда, которые будут вознаграждены. Символ отточенного веками уклада и мастерства в изготовлении всего необходимого для жизни. Символ сурового самоограничения будней и безудержного веселья праздников. Символ воли и щедрости, символ взаимной поддержки и гостеприимства. Символ устойчивого образа жизни. Так было у далеких предков, так будет вечно.

Сколько надо было ждать, испытывая вынужденные лишения, сохраняя скот в период зимней стужи и бескормицы, вместе с ним перенося предельное напряжение перегонов по крутым и опасным горным тропам, заснеженным перевалам, чтобы насладиться веселой бесконечной щедростью тучных пастбищ. Эти подъемы и спуски, взлеты и падения приучили к терпению в периоды невзгод. Эти кочевья приучили обходиться самым минимумом вещей. «Если хочешь узнать, насколько ты богат, перекочуй на новое место», говорят кыргызы. Если хочешь узнать, сколько лишнего барахла у тебя...

Совершенство – плод экстремальных обстоятельств. Птица – совершенное существо, созданное для полета, куда не возьмешь ничего лишнего и для которого непригодны кое-как сделанные крылья. Крылья кочевника – вещи, которые помогают ему свободно перемещаться в пространстве и не висят на нем тяжким грузом. Вещи, которые служат хозяину, а не поработают его. Все они, отточенные веками, по-своему совершенны. Арочная конструкция юрт предвосхитила купола соборов и мечетей. Конская сбруя и утварь, одежда и обувь, музыкальные инструменты и украшения все не только отвечали своему назначению, но были одновременно произведениями искусства. Недаром они стали в наше время предметом коллекционирования.

Но самое главное – произведенные кочевником из природного материала вещи не загрязняли природу как в процессе производства, так и в процессе длительного использования. Одноразовая посуда и вообще вещи одноразового пользования – каприз оседлого заевшегося человека, дорого стоящий окружающей среде. Горы отходов ради производства никому по-настоящему ненужных вещей, пополняющих свалки, разрастающиеся как раковые опухоли на теле планеты – совершенно несовместимы с кочевым мировосприятием.

Было бы глупо понимать сказанное как призыв вернуться в прошлое, отвергнув все достижения цивилизации. Что греха таить, высказываются иногда такого рода суждения. Кыргызу настоящему якобы нужны только конь да юрта, бешбармак да комуз, а все прочее не наше. Живопись, балет и классическая музыка. Западный культур-мультикультура всякий...

На самом деле, отказ от духовного и культурного единения с человечеством означает одичание. Но, с другой стороны, не стоит слепо перенимать чуждые стандарты и поспешно отвергать собственные духовные корни. Слишком долго вклад кочевой культуры в мировую цивилизацию замалчивался, да и сейчас не оценен по достоинству. Между тем, он более созвучен современной ситуации, когда распадаются связи не только между человеком и природой, но и между самими людьми, когда господствующие установки, оправдывающие узкие интересы индивида или какой-нибудь группки (или даже отдельной страны) заводят мировое сообщество на путь, ведущий в никуда.

Кочевой образ жизни накладывает в некоторых отношениях слишком жесткие ограничения. Достойно изумления необъятное по своему объему эпическое, фольклорное наследие небольшого народа. Но оно не может заменить письменную традицию. Высказываются предположения, что столь обширный эпос - беспрецедентная попытка народа сохранить изустно то, что в прежние времена фиксировалось в письменной форме, но было утрачено в тяжкие годы, столетия потери государственной самостоятельности, когда кыргызы были рассеяны от Маньчжурии до Алтая.

Как знать, если бы кыргызы имели сочетание кочевничества с центрами духовной и культурной жизни, какими являются монгольские дацаны-монастыри, то духовное и культурное наследие, письменная культура были бы намного богаче... Но история не признает сослагательного наклонения.

Великая степь знала не только лихие набеги и войны, но и великое братство людей. Путник, налегке вышедший из дому, мог пройти ее из конца в конец, пользуясь гостеприимством в каждой юрте. Везде гость мог рассчитывать на то, что он будет принят, накормлен, обеспечен ночлегом. Хозяин мог подарить гостю приглянувшуюся ему вещь. И вовсе не потому, что мог без нее обойтись.

Своеобразный культ гостя в крови кочевника, как и традиция взаимовыручки. Были богатые и бедные, но не было покинутых на произвол судьбы сирот, стариков и вдов.

Признаки патриархального равенства иногда пытаются осовременить, трактуя как кочевой демократизм. Несмотря на некоторые сходные проявления, они разной природы. Кочевать в одиночку – обречь себя на неудачу. Издавна сложившаяся айильная система организации кыргызского общества, когда вместе кочевала группа людей, объединенная общими хозяйственными, а зачастую – и родственными связями, идеально соответствовала кочевому образу жизни. Айил был естественной, во многих отношениях самодостаточной экономической и социальной единицей общества, разделение труда в котором позволяло выполнять все необходимые функции.

Интересно, что переход к оседлости и колхозному строю в советское время, по-существу, воспроизвел айильную структуру. Недаром села-кыштаки продолжали именоваться айилами. И отгонное животноводство успешно продолжалось, вернув уже для части населения кочевой образ жизни. Укрупнение колхозов и совхозов нанесло удар по айильной организации.

Непродуманная приватизация скота в первые годы независимости, рассыпав скот по индивидуальным собственникам еще более разрушила айильные отношения. Не удивительно, что значительную часть скота пришлось продать или зарезать и население было отброшено к более примитивному, чем кочевое, - к пастушескому скотоводству.

Мелкие держатели скота вытравили полностью растительность в окрестностях населенных пунктов, в то время как отдаленные отгонные пастбища, знаменитые джайлоо, остались для них недоступными.

Порабощение женщины в той степени, какую себе позволяли оседлые соседи, - слишком непопозволенная роскошь для кочевника. Относительная их свобода позволила многим из них развиться в яркие личности, оставившие заметный след в истории народа. Это нашло отражение и в эпосе. Канькей, жена Манаса, управляла своим народом в его отсутствие. Знаменитая алайская царица Курманджан-Датка снискала всенародную славу как мудрая правительница, умевшая защищать интересы народа в трудное время.

Традиции свободы и равенства – бесценное достояние, которое следует оберегать от всяких посягательств, чем бы они не прикрывались. Как позорное явление остается дикий обычай воровства невест, обычай, несовместимый с цивилизованным обществом, правовым государством, построение которого провозглашено на высшем уровне власти и поддержано большинством народа.

Женщина-мать, продолжательница рода, хранительница очага, первый наставник новых поколений должна быть чтима так же свято, как и предки, которых кочевник знает так же хорошо, как своих современников.

Для кочевника история жива, как и для людей библейских времен, когда они могли восстановить свою родословную вплоть до Адама. В бескрайней степи, в море людском память о предках служила путеводной нитью, объединявшей живущих молчаливой поддержкой тех, кто уже покинул этот мир. Старших уважали не только за мудрость, но и за накопленный годами опыт общения с живущими и умершими. Они олицетворяли устойчивый порядок, справедливость, знание жизни и добро.

Совершенство общества определяется не богатством, которое оно способно создать, а тем, как в нем живет тот, кто не имеет сил себя поддержать, за себя постоять, как живет сирый и убогим, больным и старым, вдовам и бедным. Кочевые народы никогда не оставляли их в беде, одинокими. И сейчас в традиции народа сохранилось стремление приютить сироту или старика. Но с относительным благополучием многие получили душевную черствость. Что-то неладно. И не в бедности материальном дело, а в оскудении духовном, забвении святых древних кочевых обычаев.

Происходит также нечто худшее. Родственная, айльная поддержка и взаимовыручка становятся для целого народа угрозой разрушения единства. Они вырождаются в трайбализм, местничество, протекционизм. Они уже в прошлом приводили к самоистреблению народа ради кучки жаждущих богатства и власти. И у народа должна выработаться защита от эксплуатации святых чувств. Если они ведут к поддержке и улучшению участи слабых и беззащитных, то они не обманывают. Если же на них спекулируют ради достижения узкогрупповых интересов – будь с народом, а не с родом.

Было бы очень удобно обвинить в падении нравов внешние влияния. Но каждый народ подобен взрослому человеку, вполне ответственному за свои поступки. И он может и должен опираться на собственные силы. Чтобы строить свою собственную судьбу. Помощь полезна только до тех пор, пока она не подменяет собственных усилий. Можно помочь приготовить бешбармак. Но переваривать его должен каждый сам. И нельзя помочь праздному ожиданию мифического бешбармака.

А что народ? Народ не просто дождется, но сам добьется перемен к лучшему. Какие только грозы не прокатывались над его головой. Но кочевник твердо знает: топтание на

месте смерти подобно. Мы должны выбрать путь. И нельзя оставлять усилий. Нельзя останавливаться и сходить с пути предков. Иначе никогда не достигнешь благословенного джайлоо.